

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ТРОПОЛОГИЯ

Райхерт Константин Вильгельмович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ТА ТРОПОЛОГІЯ

Райхерт Костянтин Вільгельмович, кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії природничих факультетів, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

CONCEPTUALIZATION AND TROPOLOGY

Rayhert K. W., candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of philosophy of natural sciences faculties, Odessa I. I. Mechnikov National University

АННОТАЦИЯ

Раскрывается связь концептуализацией как логическим способом познания и тропами. Проявляются характеристики и функции таких тропов как метафора, метонимия, ирония и антиэмфаза (символ, концепт, метафтонимика) в целевой домен (сферу-мишень) происходит перенос информации. В результате применения этой схемы можно получить концептуальные метафоры, метонимии, иронии, антиэмфазы (символы, метафтонимии, концепты) в зависимости от того, с какой целью осуществляется концептуализация. В перспективе упомянутая схема может быть применена к другим тропам, к квазитропам и некоторым логическим способам познания, таким, например, как экстраполяция и экспликация.

Ключевые слова: логика, риторика, тропология, концептуализация, тропы, метафора, метонимия, ирония, символ, антиэмфаза, метафтонимия.

АНОТАЦІЯ

Розкривається зв'язок концептуалізації як логічного способу пізнання та тропами. Пояснюються характеристики та функції таких тропів як метафора, метонімія, іронія й антиемфаза (символ, концепт, метафтонімія). Показується, що будь-яка концептуалізація будується за наступною схемою: з вихідного домену (сфери-джерела) у цільовий домен (сфера-мішень) робиться перенесення інформації. В результаті застосування цієї схеми можна отримати концептуальні метафори, метонімії, іронії, антиемфази (символи, метафтонімії, концепти) залежно від того, з якою метою здійснюється концептуалізація. У перспективі зазначена схема може бути застосованою до інших тропів, до квазитропів і деяких логічних способів пізнання, наприклад, екстраполяції й експлікації.

Ключові слова: логіка, риторика, тропологія, концептуалізація, тропи, метафора, метонімія, іронія, символ, антиемфаза, метафтонімія.

SUMMARY

The relation between conceptualization and tropes is exposed in the paper. The characteristics and functions of metaphor, metonymy, irony and anti-emphasis (symbol, concept, and metaphonymy) are elucidated. It's shown that every conceptualization is formed up on the basis of the following scheme: the transferring of information from source domain into target domain. As a result conceptual metaphors, metonymies, ironies and anti-emphases are produced according to the goals of the conceptualization. In the long term the scheme could be applied to other tropes, quasi-tropes and some logical ways of cognition (for example, extrapolation or explication).

Key words: logic, rhetoric, tropology, conceptualization, tropes, metaphor, metonymy, symbol, anti-emphasis, metaphonymy.

Постановка проблемы. В логике метафора выступает как «приём, используемый при сопоставлении двух или нескольких предметов (понятий), когда один из предметов более известен, чем другой» [5, с. 77]. При этом метафора явно задействуется в такой логической операции по раскрытию содержания понятия как концептуализация. В самом деле «концептуализация – наделение или определение теоретического смысла слов и превращение их тем самым в понятия» [5, с. 87]. В качестве примера концептуализации можно рассмотреть следующую ситуацию [5, с. 87]: есть слово «автомобиль»; содержание понятия, которое за этим словом стоит, необходимо раскрыть; есть возможные варианты раскрытия содержания понятия «автомобиль». Так самым очевидным будет рассматривать «автомобиль» как «транспортное средство». Здесь «транспортное средство» с логической точки зрения выступает

как родовое понятие по отношению к понятию «автомобиль». Однако с равным успехом здесь можно говорить о том, что «автомобиль» передаётся через «транспортное средство» в метафорическом смысле: есть метафора, в которой неизвестное слово (понятие) «автомобиль» передаётся с помощью известного словосочетания (понятия) «транспортное средство», то есть «средство, с помощью которого кто-то или что-то транспортируется». На примере «автомобиля как транспортного средства» связь метафоры и концептуализации не так просто увидеть, учитывая, что родовидовые отношения между понятиями «автомобиль» и «транспортное средство» очевидны. А вот если представить «автомобиль» как «потребительский товар» или как «фигура отца» или как «статусный символ», то родовидовые отношения окажутся неочевидны. Зато

хорошо показывается связь концептуализации с метафорой. В таком случае не случайным оказывается в современных когнитивных и социо-гуманитарных науках понятие «концептуальная метафора».

Между тем следует помнить, что метафора – это не только познавательный приём, но и троп в риторике. Помимо метафоры, в арсенале риторики есть и другие тропы, например, ирония и метонимия. В таком случае можно поставить вопрос: «Связана с концептуализацией только метафора или же другие тропы тоже?» Учитывая, что в литературе по когнитивистике можно встретить такие словосочетания как «концептуальная метонимия» [6] и «концептуальная ирония» [12], на поставленный вопрос можно ответить так: концептуализация связана с тропами. А вот как именно, это уже предмет предлагаемого исследования.

Отсюда можно сформулировать цель исследования: раскрыть связь между концептуализацией и тропами.

Изложение основного материала. Для начала следует указать на то, что я понимаю под понятием «троп»: «Троп (гр. *τρόπος* от *τρέω* – поворачивать, обращать, направлять) – использование слова или слов в переносном значении: свет истины (слово “свет” использовано в переносном значении)» [8, с. 280].

Существуют разные тропологии, учения о тропах, с разными классификациями тропов. В данном исследовании я хочу обратиться к более простой и доступной для понимания теории. В томе «Энциклопедии для детей» от издательства «Аванта+», который посвящён языкознанию и русскому языку, говорится о девяти видах тропов [10, с. 513-516]: метафоре, метонимии, синекдохе, эмфазе, перифразе, гиперболе, мейосисе, иронии и антиэмфазе (известной также как «концепт» и «символ»). При этом там же говорится о том, что синекдоха – это разновидность метонимии, эмфаза родственна синекдохе и метонимии, перифраза связана с метонимией, а гипербола и мейосис близки метафоре. Таким образом, при желании синекдоху, эмфазу и перифразу можно свести к метонимии, а гиперболу и мейосис – к метафоре. В результате можно получить четыре основных тропа: метафору, метонимию, иронию и антиэмфазу. Далее я буду говорить только об этих четырёх тропах в связи с концептуализацией.

Итак, первый троп – это метафора. Метафора, как известно, является тропом, основанным на сходстве [8, с. 267-268]. Сущность метафоры заключается в способности метафоры «превращать незнакомую действительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной» [1, с. 49]. Другими словами: «Метафора – в силу своей логической конструкции – есть инструмент присвоения, превращения неизвестного в известное. В формуле “X как Y” объект X – всегда неизвестен, непонятен и лишь отчасти познаваем (он принадлежит ноуменальному миру), тогда как предмет Y – уже вписан в нашу систему различений и ассоциаций» [2, с. 33]. Как указывалось ранее, метафора – это ещё и приём познания, по сути, выполняющий характеризующую функцию. В сущности, основная цель применения метафоры – гносеологическая: её применение основывается на необходимости раскрытия неизвестного через известное, обозначить неизвестное через известное, то есть основывается на узнавании. Узнавание в случае применения значимо, так как при узнавании «первостепенную роль играет фактор знакомства с материалом и его осмысленность» [7, с. 1008]. Поэтому метафора так значима для современного научного познания.

Второй троп – метонимия. Это троп смежности, основанный на пространственной, временной и логической смежности [8, с. 269]. Сущность метонимии кроется в том, что метонимические отношения являются онтологическими отношениями [11]. Это означает, что «метонимия основывается на реальных, существующих в самом объекте связях, она предполагает, что отношение между X и Y не создаётся посредством постановки объекта одного рода в соответствие объекту другого рода, а уже содержится в самих этих объектах» [4, с. 100]. В таком случае получается, что метонимия строится на онтологических основаниях и, будучи частью, элементом, свойством или отношением чего-то, уже репрезентирует это что-то, а значит, в какой-то мере саму себя. За счёт выделения разных сторон или функций объекта, акцентирования на каких-то аспектах метонимия выполняет идентифицирующую функцию. Метонимия также строится на узнавании, однако её цель не обозначить неизвестное через известное, а выделить значимое в уже известном.

Третий троп – ирония: «это троп контраста, употребление слова или слов в противоположном значении: мудрейший вместо “дурак”» [8, с. 262]. Основная функция иронии критическая, причём во всех исходных значениях древнегреческого слова *κριτική* ‘искусство разбирать или судить’, ‘критика’.

Наконец, четвёртый троп – антиэмфаза. Об «антиэмфазе» первым заговорил российский литературовед и филолог Михаил Леонович Гаспаров: «Просто дело было в том, что вдобавок к шести тропам традиционной риторической теории поэтическая практика изобрела седьмой, до сих пор не получивший названия и определения. Шесть традиционных тропов были: метафора – перенос значения по сходству; метонимия – перенос значения по смежности; синекдоха – перенос значения по количеству; ирония – перенос значения по противоположности; гипербола – усиление значения; и, наконец, эмфаза – сужение значения (“этот человек был настоящий человек”, “здесь нужно быть героем, а он только человек”). К этому списку новое время добавило, так сказать, антиэмфазу – расширение значения, размывание его: когда Блок (в названном стихотворении) пишет “Лишь телеграфные звенели на чёрном небе провода”, то можно лишь сказать, что эти провода означают приблизительно тоску, бесконечность, загадочность, враждебность, страшный мир и пр., но всё – лишь приблизительно» [3, с. 190].

В «Энциклопедии для детей» подчёркивается, что для тропа антиэмфаза нет общепринятого названия: «Его называют “концепт”, “антиэмфаза”, “символ”. Такой разницей в терминах произошёл от того, что античная риторика его не знала: он появился в литературе не больше полутора веков назад» [10, с. 516]. Там же приводится такой пример антиэмфазы: «После концерта меломаны обсуждают двух скрипачей. Один говорит: У первого звук бархатный, а у второго – серебристый. Это метафоры: бархатный – ‘мягкий’, серебристый – ‘похожий на звук серебряного колокольчика’. Второй старается определить тоньше: Нет, у первого тон матовый, а у второго – яркий, сполохами. Он пытается передать слуховые впечатления через зрительные, но это трудно, если не совсем невозможно. Слова как бы расширяют значения: матовый начинает означать ‘приятный и ровный’, но не только это, а что ещё. <...> С символом всегда так: он опирается не на языковые, обязательные для всех ассоциации, а на индивиду-

альные, разнообразие которых ничем не ограничено. Свети этот троп к чёткой схеме не удаётся» [10, с. 516]. И всё же, я полагаю, что попытаться сделать это стоит.

В «Риторическом словаре» Г. Г. Хазагерова нет статьи, посвящённой «антиэмфазе», зато есть статья о «символе». В этой статье символ рассматривается как троп: «В теории тропов, особенно риторической, символ целесообразно рассматривать как вид аллегории, а именно как аллегорию, использующую как сходство, так и смежность сопоставляемых объектов» [8, с. 277]. Здесь сразу нужно обозначить, что под «аллегорией» понимается «троп, основанный на иносказательном толковании конкретного образа: дерево как аллегория жизни или развития (древо жизни, генеалогическое древо)» [8, с. 252]. Однако указанные сходство и смежность сопоставляемых объектов в определении «символа» роднят символ как троп с двумя другими тропами – метафорой и метонимией. В принципе здесь ничего такого необычного нет, если символ рассматривается как вид аллегории, а сама аллегория «возникает на базе развёрнутых метафор и / или метонимий» [8, с. 252]. В то же время нужно учитывать следующее: «В литературоведческих работах принято подчёркивать многозначность толкования символа в сравнении с однозначно толкуемой аллегорией, часто также подчёркивается самоценность символа: аллегория репрезентирует нечто, а символ репрезентирует ещё и сам себя» [8, с. 277]. Итак, символ одновременно репрезентирует нечто и сам себя, – это важно, так как демонстрирует, что символ совмещает в себе сходство и смежность сопоставляемых объектов, именно что совмещает. Между тем следует помнить, что в современной когнитивной лингвистике совмещение / комбинация / скрещивание / синтез метафоры и метонимии называется «метафтонимией».

Слово «метафтонимия» придумал Луис Гуссенс [13] для объяснения концептуального взаимодействия между метафорой и метонимией: «В когнитивной лингвистике концептуальные метафора и метонимия – это ментальные механизмы, сформированные в процессе взаимодействия двух понятийных областей: сферы-источника и сферы-мишени на основе ассоциаций по сходству либо по смежности. Принцип сходства, аналогии и сравнения является базовым для образования метафоры; в метонимии реализуется принцип смежности, сопредельности, именно поэтому их функции различны: для метафоры доминантной является характеризующая функция, для метонимии – идентифицирующая. Однако функции реализации метафорических и метонимических приёмов могут совпадать, поскольку в основе их образования лежит ассоциативный принцип, и один и тот же объект действительности может частично обозначать другой и одновременно рассматриваться метафорически, реализуя определенные свойства подобия в метонимии. Таким образом, выдвигается гипотеза о существовании метафоры, метонимии и их концептуального “слияния” как новой ментальной единицы» [9, с. 194]. И далее «в основе концептуальных метафор и метонимий лежит сложная иерархическая сеть, которая может служить причиной возникновения синтеза метафорометонимических трансформаций. Когнитивное понимание метонимии рассматривается как проекция смежных элементов одного концептуального домена, а метафоры – как проекции элементов разных концептуальных доменов. Так как и метафора, и метонимия – концептуальные феномены, они могут относиться к одним и тем же концептуальным доменам, следовательно, взаимодействовать друг

с другом в пределах концептуальной системы. Так, при проекции одного концептуального домена в другой возможна активация одного из сегментов доменов и его переосмысления как смежного, или смежное проецирование сегментов одного домена требует дополнительно концептуального расширения по сходству. Такая интеграция метафоры и метонимии получила название метафтонимии» [9, с. 194-195]. У только что процитированной Оксаны Сергеевны Шармановой можно найти схематическое представление метафтонимии: «В основе метафтонимии лежит метафорическое проецирование элементов сферы-источника на элементы сферы-мишени. При этом элементы одной из понятийных сфер имеют метонимическое расширение, т.е. требуют метонимического развития понятия либо имеют метонимическую основу. Метафтонимия функционирует в политическом дискурсе в качестве модели, которую схематично можно представить в виде формулы: (А вместо В) + (А есть В) = X, где (А вместо В) – формула концептуальных метонимических связей, (А есть В) – формула концептуальных метафорических связей. Таким образом, метафтонимия “X” возникает вследствие концептуальных метонимических связей, когда одна сущность замещается другой и одновременно вступает в ассоциативные связи по принципу сходства с третьей сущностью» [9, с. 196-197]. В сущности, символ так и поступает, поэтому символ вполне может рассматриваться как метафтонимия. Кроме того, при образовании метафтонимии происходит метонимическое расширение метафорического источника, а антиэмфаза строится на расширении. Таким образом, «метафтонимию» в тропологии следует рассматривать как ещё один синоним «антиэмфазы», наряду с «символом» и «концептом».

Теперь, когда были представлены четыре основных тропа, можно перейти к «концептуализации». В логике концептуализация – это один из способов образования категорий, понятий и терминов, наряду с конкретизацией и операционализацией. «Концептуализировать означает нагрузить исходное понятие такими теоретическими признаками, каждый из которых принадлежит к другой теории или дисциплине, и увязать их в логическую систему. Вписывание, если так можно выразиться, в чужую теорию называется концептуализацией» [5, с. 87]. В приведённом пассаже речь идёт об использовании концептуализации в науке и, возможно, в философии. Однако сферу применения концептуализации можно помыслить и шире. Можно допустить, что концептуализация – это вписывание исходного понятия не только в чужую теорию или дисциплину, но и в чужую когнитивную систему вообще, а этой когнитивной системой может быть не только теория или дисциплина, не только наука или философия вообще, но и религия или искусство.

Я полагаю, что любая концептуализация строится по такой же схеме, что и любая концептуальная метафора: есть два концептуальных домена – исходный домен (source domain), он же сфера-источник, и целевой домен (target domain), он же сфера-мишень. Так в процессе конструирования концептуальной метафоры целевой домен является тем, что нужно понять, сделать известным, а исходный домен – тем, с помощью которого можно понять целевой домен [14, р. 206-207]. Пример: в концептуальной метафоре «автомобиль как социальный статус» «автомобиль» – это целевой домен, а «социальный статус» – это исходный домен; с помощью «социального статуса» про-

ясняется роль «автомобиля» в социуме. В процессе конструирования концептуальной метонимии целевой домен является тем, что нужно идентифицировать, а исходный домен – тем, с помощью чего можно идентифицировать целевой домен. Пример: в концептуальной метафоре «окно как стекло» в выражении «разбить стекло» «окно» – это целевой домен, а «стекло» – это исходный домен; с помощью «стекла» акцентируется внимание на материале, который был использован в процессе создания окна, – такая акцентуация на стекле необходима для того, чтобы в случае опасности человек знал, что в окне нужно разбивать именно её стеклянную часть. В процессе конструирования концептуальной иронии целевой домен является тем, что критикуется, а исходный домен – тем, с помощью чего осуществляется эта критика. Так в примере «дурак как мудрейший» «дурак» – это целевой домен, а «мудрейший» – это исходный домен; здесь критика может осуществляться, например, в ходе какой-то учёной дискуссии. Наконец, в процессе конструирования концептуальной антиэмфазы (концептуального символа, концептуальной метафтонимии или, просто, концепта) целевой домен является тем, что нужно сделать известным и идентифицировать одновременно, а исходный домен – тем, с помощью чего это достигается. Пример: в концептуальной антиэмфазе «земная жизнь Христа – символ истории человечества» [8, с. 277] известным оказывается «земная жизнь Христа» (исходный домен), а неизвестным «история человечества» (целевой домен). Сходство, которое можно установить между известным и неизвестным здесь, заключается в том, что Христос родился, жил и умер; в принципе нечто подобное может быть сказано о человечестве, его история имеет начало, длительность и возможный конец. Зная земную жизнь Христа, можно представить себе историю человечества. Здесь – концептуальная метафора. Между тем сам Иисус Христос может быть помыслен, как исторический персонаж, участник исторического процесса, его часть (исходный домен). В таком случае здесь – концептуальная метонимия. В сумме метафора и метонимия дают здесь концептуальную антиэмфазу (символ).

Выводы. Действительно, концептуализация связана с тропами, так как в результате операции концептуализации можно получить концептуальные метафоры, метонимии, иронии, антиэмфазы (символы, метафтонимии, концепты) в зависимости от того, с какой целью осуществляется концептуализация. Важно, что концептуализация строится по одной и той же схеме: с исходного домена (сферы-источника) в целевой домен (сферу-мишень) происходит перенос информации, опять же в зависимости от того, с какой целью осуществляется концептуализация.

Следует помнить, что в предложенном в данной работе исследовании я использовал упрощённую тропологию, в которой всего четыре основных тропа (метафора, метонимия, ирония, антиэмфаза); все остальные тропы по умолчанию сводимы к этим четырём. Между тем возможны другие подходы и концепции, в которых может быть множество не сводимых друг к другу или к типовым тропам тропов. Я вполне допускаю, что обозначенная схема концептуализации может быть применена не только к вышеназванным четырём тропам, но и к другим тропам. Возможно даже указанная схема может быть применена и к так называемым «квазитропам». Нельзя также исключать такую возможность, что и некоторые логические способы познания, которые строятся на переносе информации,

например, экстраполяция или экспликация, могут основываться на предложенной схеме концептуализации. Однако всё это требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт: пер. с англ. / Франклин Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
2. Вахштайн В. С. Метафоры города и метафорика городских исследований: самописание vs. метаписание / Виктор Семёнович Вахштайн // Культура и искусство. – 2015. – № 1. – С. 32-49.
3. Гаспаров М. Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение. (Проблема сравнительной метрики) / Михаил Леонович Гаспаров // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 188-209.
4. Константинова М. Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий / Мария Константинова // Социология власти. – 2015. – Т. 27. – № 1. – С. 90-107.
5. Кравченко А. И. Формальная и научная логика: учебное пособие для вузов / Альберт Иванович Кравченко. – М.: Академический проект, 2014. – 336 с. – (Gaudeamus).
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Джордж Лакофф, Марк Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
7. Ребеко Т. А. Узнавание / Татьяна Анатольевна Ребеко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. – С. 1008.
8. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь / Георгий Георгиевич Хазагеров. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 432 с.
9. Шарманова О. С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии / Оксана Сергеевна Шарманова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Т. 16. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 194-200.
10. Энциклопедия для детей. – Т. 10. Языкознание. Русский язык / гл. ред. М. Д. Аксёнова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аванта+, 2001. – 704 с.
11. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Роман Якобсон; пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры: сборник / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. — М.: Прогресс, 1990. – С. 110-132.
12. Akimoto Y., Sugiura M., Yomogida Y., Miyuchi C. M., Miyazawa S., Kawashima R. Irony comprehension: Social conceptual knowledge and emotional response / Yoritaka Akimoto, Motoaki Sugiura, Yukihito Yomogida, Carlos Makoto Miyuchi, Shiho Miyazawa, Ryuta Kawashima // Human Brain Mapping. – Vol. 35. – 2014. – № 4. – P. 1167-1178.
13. Goossens, L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / Louis Goossens // Metaphor and Metonymy in comparison and contrast / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörrings. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 349-377.
14. Lakoff G. Contemporary Theory of Metaphor / George Lakoff // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Melbourne: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.